Грёзы
о неустанном поиске

Конспективное изложение книги

Составитель:
Егор Мельников

Создатели

Автор текста: Малкольм Шеппард
Разработчик: К. А. Сулейман
Редактор: Кэрол Дарнелл
Арт-директор: Майк Чейни
Дизайн книги: Майк Чейни
Креативный директор: Рич Томас
Внутренние иллюстрации: Сэм Эраййя, Тайлер Уиндэм, Эндрю Трабболд и Марко Маццони
Передняя обложка: Майк Чейни
Посвящение: Халилю Гибрану, который открывает глаза и возможности.

Вступление

Меня заставили это писать.

Возможно, и вы читаете эти строки лишь по чьему-то приказу. Если это так, выражаю свои соболезнования. Не знаю, кто ещё может заставить других людей – таких же лингвистов, как я – раскапывать истину о Еретике. Но мне повезло больше других. Я пишу это по приказу самого Еретика.

Еретик. Это слово уже устоялось среди оккультных сообществ, которым известно о существовании Безымянной империи, но его нельзя считать правильным. Оно не передаёт сущности этого человека, этого *божества*. С языка иремитов его прозвище было бы лучше перевести как “Поднявшийся над богами”.

Впрочем, позвольте представиться и мне самому. Я не стану называть своё имя, однако для вас куда большим значением может обладать моя биография. Я уложусь в одно предложение. Я родился в семье дипломата, с раннего детства занимался изучением языков, ещё в юности стал полиглотом, прошёл подготовку в военно-морском училище США и поступил на службу в Командование специальных сил, где меня, наконец, определили в Безымянный отряд.

Если только по чистой случайности вы не состояли в похожей группе, то вы ничего не слышали о Безымянном отряде. Видите ли, мы занимаемся изучением необъяснимых феноменов в зонах боевых действий. Когда войска США отправляются в Афганистан, Ирак, Пакистан или другую область, в которую нас пригласили – или не пригласили – местные власти, Командование отправляет Безымянный отряд для обнаружения всех *неочевидных* факторов, которые могут повлиять на успех запланированной операции. Не скрою, я предпочитаю вспоминать солнечные улицы арабских стран и улыбающихся людей, но куда чаще на память приходят отнюдь не улыбки.

Словом, я военный переводчик. Моей основной специализацией долгое время был перевод с арабского. Я преклоняюсь перед этим языком. Классический арабский немного напоминает французский. Это язык цивилизации. Язык поэзии. Египетский вариант арабского звучит проще, но обладает какой-то античной притягательностью. А ведь существуют ещё языки пушту, фарси и даже аккадский, предшествующий самому арабскому. Старое и новое сливаются воедино, образуя прекрасные звенья одной цепи.

Три года я путешествовал по странам Востока, собирая древние тексты и артефакты. Сразу отмечу, что я не археолог. Многие вещи, казавшиеся мне античными, в конечном счёте оказывались намного моложе. Но время от времени я находил тексты и другие реликвии, которые обладали подлинной силой. И я отнюдь не о поэтическом вдохновении.

Они творили чудеса. Они воскрешали мёртвых. Они накладывали проклятия. Нам мало что говорили об этих предметах: нашей задачей был поиск и самое общее изучение таких реликвий. Их дальнейшую судьбу определяли важные шишки, о которых я даже не знаю. Всякие экспедиционные группы, исследовательские команды и сотрудники тайных организаций с Загадочными Труднопроизносимыми Названиями.

Но однажды – как это всегда случается с представителями любой опасной профессии – мы забрались не туда, куда следовало. Очередное исследование занесло нас в древний храм, который, по нашим сведениям, принадлежал членам некой протоарабской культуры.

Мы этого не знали, но храм был отнюдь не заброшен. И о нашем прибытии знали задолго до того, как мы начали спускаться по тёмным лестницам в его недра. Видите ли, для поиска и оценки реликвий нам выдавали особое оборудование. Мы не знали, как на самом деле оно работает, но теперь, когда я лично знаю Еретика и могу задавать ему вопросы обо всём, о чём пожелаю, он говорит мне, что наши устройства работали на Сехеме.

Сехем – это… всё. Это жизнь. Это воспоминания. Это любовь и деление клеток. Это первичный источник сознания и эмоций. И на свете есть существа, способные чуять Сехем на поистине огромном расстоянии.

Когда мы спустились в тёмные покои, возведённые глубоко под храмом, в едва различимых очертаниях тайных комнат мы увидели усыпальницу. И посреди неё стояла женщина. Мы не успели отреагировать. Ни спросить её, кто она, ни поднять оружие – ничего.

Поначалу она казалась прекрасной, хотя её лицо трудно было различить в полутьме. Как только мы вошли в усыпальницу, она подняла руки. Вот тогда-то я и понял, что она не имеет ничего общего с *прекрасным*. Она превратилась в иссушённый труп какого-то серо-голубого оттенка, а за спиной у неё простёрлись два соколиных крыла. Я вспомнил об ангелах на иконах, перед которыми молилась моя бабушка. Но, опять же, мы не успели отреагировать. В воздухе запахло солью и медью. Я безотчётно укусил себя за ладонь, чтобы не закричать или не заплакать.

Моим товарищам не повезло: они с криками повалились на пол, и из того, что я успел заметить в тот жуткий момент, могу сделать лишь осторожное предположение, что они… сгорели изнутри? Не знаю. Я же почувствовал себя так, словно выхожу из тела. Мою сущность как будто взяли и выдернули из тела. Я начал двигаться в сторону женщины, когда за спиной у меня появился Еретик.

Он спас меня – и только меня одного. Еретик произнёс какие-то слова, а женщина прокричала что-то в ответ. Но, впрочем, я вас обманываю. Это не были слова. Это был обмен боевыми гимнами. Песнь Еретика оказались сильнее. Она закончилась раскатистым громом и ослепительной вспышкой света.

Следующее, что я помню: мы с Еретиком стояли на берегу Нила. Я громко смеялся, хотя, разумеется, мне было не до смеха. Я слушал, как Еретик спокойно предупреждает меня, что вся моя группа погибла, включая пилотов, которые ждали нас в вертолёте за пределами храма.

Он объяснил, что следил за нами тем же способом, которым та женщина обнаружила нас в момент проникновения в усыпальницу. Наши исследовательские устройства действовали на основе Сехема. Для таких, как он и та женщина, Сехем подобен сильнейшему запаху. Его невозможно не заметить. Правда, ему показалось забавным, что я называю свои инструменты "техническим оборудованием". Для него они всегда были реликвиями и сосудами – в значении *святынь далёкого прошлого*.

Еретик объяснил мне, что я ему нужен. Я буду переводить его знания, придавая им форму, понятную современному человеку.

С тех пор он многое мне рассказал. В мире существует алхимия. И некромантия. И чудовища, сшитые из фрагментов тел разных животных, а порой даже людей. А ещё он попросил меня не расстраиваться из-за смерти моих товарищей, ибо призраки живут в двух мирах: тёмном Дуате, где за ними присматривает шакалоголовый бог Анпу, и Благословенных полях Аару, в которые попадают лишь избранные.

Я надеюсь, что Рик, и Гуанг, и наши пилоты – все они попадут в Аару. Может, и мне удастся их встретить.

Но я отклоняюсь от темы. Еретик спас меня, чтобы я написал его собственное руководство. Он хочет, чтобы оно попало в руки людей, служащих другим Бессмертным (или Восставшим, или иремитам – он называет их разными именами).

Я знаю, что когда допишу эту книгу, меня не станет. Возможно, кто-нибудь доберётся до меня даже раньше, чем я напишу последние строки. И хотя я не стану лгать, что это меня не пугает, всё же я получил возможность, о которой мечтал всю жизнь. Я записываю великие знания, звучащие на языке, предшествующем и египетскому, и арабскому. Я записываю мечты и грёзы Еретика.

Его грёзы о неустанном поиске.

Скрижали Еретика

Пусть те, кто читает эти строки, хранят их как святыню. Если они написаны на папирусе, берегите его от пламени. Если они высечены на камне, пусть этот камень никогда не расколется. Если они хранятся в памяти, пусть она будет крепка и чиста.

Я тот, кто пишет на Свитке эпох. Бессмертные братья! Проклятые друзья! Прислушайтесь к словам, которые приведут вас к свету! Умрите, чтобы обрести истинное бессмертие! Найдите освобождение в своей смерти и снова станьте людьми.

Читайте! Пробуждайтесь! Через меня говорит сам Сутех, голос вашей подлинной личности, о которой вы забыли тысячи жизней назад!

Моя история, часть I

Я бессмертен по своей природе, но я человек по своему выбору. Я обращаюсь к другим Бессмертным не с просьбами и мольбами. Я не торгуюсь с вами, как вы делаете это друг с другом. Я не прошу ничего взамен на своё учение. Я покончил с интригами и соперничеством. Я действую не по воле незримого кукловода, а потому у меня нет никакой тайной цели. Я просто хочу вас освободить.

И это моё величайшее достижения. *Я* хочу вашего освобождения. Я, а не кто-то ещё. У меня есть воля, и я использую её для того, чтобы помочь вас взойти по лестнице Сутеха и взобраться на звёздные поля Аару, оставив завистливых Судей далеко внизу.

Никто из Судей не скажет вам того, что скажу я. И никто среди Сеша-Хебсу не напишет того, что напишу я. Вы можете задаться вопросом, зачем я это делаю. Но я уже ответил на этот вопрос. Такова моя воля. Вы – мои братья. Мои единственные соотечественники в этом изменчивом мире. Я не оставлю вас гнить в пустыне под ненавистным правлением Скорпиона.

Первое, что вы должны услышать, укладывается в несколько простых слов. Вы – не Сехем. Мы привыкли думать о себе как о вечных странниках в этом мире. Мы пробуждаемся на земле, надевая на себя оболочку из чистой энергии самой жизни. Но оболочка есть оболочка. Сехем наделяет нас телом – и ничем большим.

Вы – не тело. Вы – разум. Вы – Память.

Так обретите же свою Память! А я помогу вам на этом пути.

Сотворение мира

В начале всего был лишь один бог, Хепера. Он жил посреди великого ничто, в пространстве несотворённой Вселенной. Единственной частью мироздания, которая обладала формой уже в этом хаотичном мире, были звёздные поля Аару, но и они были пусты. Не было ни планет, ни земли, ни неба. Не было слов и разума.

Хепера стремился к созданию формы, но он не знал, как это можно сделать. Тогда он сотворил другого бога по имени Атум. Атум стал Первой волей, первым *обитателем* этой Вселенной. Хепера был предвечен. Он не *жил* в этом мире – он сам был миром. Атум же родился после начала времён, а потому его имя первым попало на Свиток эпох.

Как первый житель этого мира, Атум мог его изменять. Он породил воду и сушу, песок и туман. Мир обрёл форму. Но с появлением формы возникла и сама вероятность её разрушения. Когда во Вселенной ничего не было, не существовало и силы разрушения, потому что нечего было уничтожать. Однако рождение мира вдохнуло жизнь и в силу энтропии, которая приняла форму *голода*. Этим голодом стала Аммут.

Хепера поблагодарил Атума за создание формы, хотя и упрекнул его, что теперь во Вселенной есть то, что стремится к её разрушению. Он спросил Атума, что нужно сделать, чтобы мир смог жить сам по себе. Атум ответил, что миру нужна цель. Ему нужен смысл.

Тогда Хепера породил сорок три божества и спросил их, каков будет смысл жизни Вселенной. Сорок два бога ответили, что мир существует для того, чтобы страдать. Он должен бояться собственного разрушения. В этом его единственное предназначение.

Но сорок третий бог, назвавший себя Сутехом, изрёк: “Если в мире есть жизнь, то не мы должны определять её смысл. Каждый, кто наделён жизнью, должен обладать волей. Он сам должен решить, для чего порождён на свет”.

Так сорок два божества стали Судьями, которые вынесли миру приговор, ныне известный как Закон страдания. Этот закон состоял лишь в том, что всё сущее должно быть принесено в жертву Вселенной. Она породила живых существ – но она же заберёт их жизни. В этом, по Закону страдания, и состоит единственный смысл жизни. Он состоял в том, чтобы умереть.

И только последний бог объявил Закон воли. Этот бог, Сутех, прозванный Несудимым, продолжал утверждать, что всё сущее должно само определить, зачем оно рождено. Судьи невзлюбили Сутеха и свергли его на землю. Там Сутех породил Азара и Анпу – младших богов, задачей которых стала помощь любым разумным созданиям. Азар помогал живым. Анпу ожидал мёртвых за могильной чертой.

Боги и человечество

Когда мир обрёл форму, Атум заполнил его живительной силой, которая и поныне известна мистикам как Сехем. Увы, почуяв Сехем, Аммут – первозданный голод Вселенной – раскрыла свою ненасытную пасть и произнесла:

– Я хочу получить свою часть мироздания.

Все сорок два Судьи закивали в согласии.

– Время от времени мы будем утолять твой голод, отдавая тебе часть Сехема, – сказали они.

Но даже сверженный на землю, Сутех воскликнул:

– Твари, живущие на земле, ещё не познали выбор. Разве добыча Аммут не станет ценнее, если в её пасть будут попадать те, у кого была своя воля, но кто решил отказаться от шанса на восхождение на блаженные поля Аару? Пусть все разумные твари будут знать, что они могут избежать пасти Аммут, если проявят к этому свою волю.

Поскольку Сутех был одним из Судей, они не могли изменить его решения.

– Да будет так, – сказали они. – Отныне преступники будут попадать в пасть Аммут, а благочестивые – восходить на блаженные поля Аару. Ты же, Сутех, станешь их волей.

Сказав это, Судьи окружили Сутеха и разорвали его на части. Его кровь смешалась с Сехемом, и отныне Сутех живёт во всём сущем. Когда живое создание слышит голос, призывающий его не подчиняться Закону страдания, а выбрать собственный путь, оно слышит голос Сутеха, незримо скрывающегося в его Сехеме.

Кроме того, растворение Сутеха во всём сущем породило особый вид существ: людей, которые обладали не только волей, но и собственным интеллектом. Несмотря на это, в глазах Судей люди остались всё той же незначительной частью Вселенной, что и животные – разумной плотью, созданной лишь для страдания. Поэтому на языке богов людей называют Ремет – то есть “предназначенные для жертвоприношения”.

Шаньяту

Поскольку Сутех был равен Судьям по силе, они не могли изменить его решения и отменить Закон воли. Однако они по-прежнему верили, что всё живое должно быть принесено в жертву Страданию.

За этим они послали на землю своих служителей – своего рода детей, рождённых при помощи магии. Этих детей называли темахами – от слова *т'м,* означающего форму (и родственного имени Атума, породившего мир), и *ах*, которое обозначает магию. Таким образом, слово *темах* можно перевести примерно как *тот, кто обрёл форму благодаря магии.*

Смертные, или Ремет, не знали этого слова. Тем не менее, они знали, что темахи служат воле своих творцов – Судей. Поэтому первые люди назвали темахов Шаньяту, то есть *служителями*. Спустя многие тысячелетия это слово станет использоваться древнеегипетскими жрецами для обозначения старшего послушника в заупокойном культе, помогающего жрецу в проведении ритуалов.

Темахи взяли людей под своё крыло, но не затем, чтобы привести их к величию и просветлению. Нет, задачей темахов было только одно: объяснить смертным, что у них есть выбор между тяжёлой дорогой на звёздные поля Аару и лёгким путём в Дуат, где они продолжат жить в виде призраков, ожидая своего отправления в пасть Аммут.

Вместе с тем, Шаньяту давали смертным противоречивые, а порой даже лицемерные наставления. Например, иногда Шаньяту заставляли смертных лгать друг другу, после чего наказывали или убивали их, ибо ложь считается преступлением. Шаньяту вынужденно признавали, что у людей есть своя воля, однако их целью была подготовка Ремет к жертвоприношению.

По всей видимости, в мире существовало сорок два темаха – по одному на каждого Судью, – однако их точная численность не известна никому, кроме Судей. Каждый темах отвечал за наказание (а порой и взращивание) тех же преступников, которых наказывал его Судья.

Труды Азара

Но не только Шаньяту воспитывали человечество. В сущности, перед тем как темахи взяли людей под своё крыло, они бродили по молодой земле, не зная, что им делать. В тот отдалённый период им и довелось встретить бога Азара, одного из сыновей Сутеха.

– О великий Азар, – взмолились они, увидев его на земле. – Мы созданы Судьями. Даже наши тела сотканы из их божественных чар. Мы должны править людьми, но как можем мы это делать, если ничего не знаем о мире?

Азар выступил вперёд и ударил в землю своим посохом. Земля разверзлась, и на поверхности засверкали драгоценные камни и золотые самородки.

– Пусть семеро из вас изучают то, что хранит в себе Кеб – земля смертных. Со временем эти сокровища станут для людей величайшими ценностями.

Так Азар открыл семерым техамам искусство алхимии.

Затем он взял золотой самородок и ударил по нему цепом, превратив его в знак малого бога Херу, позже прозванного смертными Гором.

– Пусть семеро из вас изучают знаки и символы, чтобы смертные научились их признавать, а боги смогли посылать им великие знания через изменение материи.

Так Азар открыл семерым техамам искусство создания амулетов.

Затем он взял камни и кости и выложил из них подобие колонны.

– Пусть семеро из вас изучают узоры и изображения, воплощающие суть людей и богов.

Так Азар открыл семерым техамам искусство изображений.

Затем он пошёл в глубь человеческих земель, где смертные поедали своих мертвецов. Азар и темахи видели, как вокруг каннибалов кружатся души усопших, умоляющие не есть их тела, но смертные были глухи и слепы к их мольбам.

– Пусть семеро из вас обучат людей беречь телесную оболочку усопших, чтобы те смогли обрести новую жизнь за могильной чертой.

Так Азар открыл семерым техамам искусство некромантии.

Затем он окунул два пальца в кровь покойного и написал ей несколько символов на ближайшем камне.

– Пусть семеро из вас изучают слова и тексты. Смертные должны научиться слышать глазами, иначе они никогда не смогут ничего написать в Свитке эпох.

Так Азар открыл семерым техамам искусство написания текстов.

Наконец, оставшихся семерых темахов Азар попросил взглянуть на небосклон, чтобы увидеть то, что написано по ту сторону неба, в Свитке эпох, сокрытом на блаженных полях Аару.

– Вы, последние семеро, будете изучать символы всего сущего. Смотрите на них, пока не запомните их все до единого.

Так Азар открыл семерым техамам секрет истинных имён. Затем, повернувшись ко всем темахам, он произнёс:

– Когда закончите изучать тайны, которые я вам раскрыл, удаляйтесь в пустыню и практикуйте там свои искусства. Как только вы поймёте, что овладели ими во всей полноте, отыщите место, которую люди называют Рекой. Соберите вокруг себя всех Ремет и научите их жить в соответствии со своей волей. Защищайте Реку и свой народ от Аммут, потому что она всегда голодна и всегда будет пытаться пожрать Ремет. Но не давайте ей это сделать. Скажите людям, что у них есть выбор. Лишь те, кто отказался от своей воли, должны отправляться в пасть к Пожирателю.

И темахи удалились в пустыню. Звезда Сопдет (или “*Острота*”), позже прозванная Сотисом или Сириусом, совершила полный круг по небосклону, прежде чем темахи вернулись назад. Они отыскали Реку, взяли людей под свою опеку и приказали им возвести величайший город этого мира. Те семеро, которым Азар приказал взглянуть на обратную сторону неба, утверждали, что создание города было предсказано в самом Свитке эпох.

Видя возвращение темахов, Азар подошёл к ним и изрёк:

– Вы будете правителями людей, но не забывайте напоминать им, что у них есть своя воля. Пусть они знают, что после смерти достойные будут восходить на поля Аару, а недостойные – спускаться в жертвенные залы Дуата.

Темахи выслушали Азара, но вместо того чтобы преклониться перед ним, окружили его и сказали:

– Мы тоже хотим взойти на поля Аару. Ибо мы обрели *свою* волю.

И пока они произносили свои слова, Азар с удивлением увидел в них отражение своего отца Сутеха. За время, прошедшее в обучении, темахи сами впитали в себя частицу его отца. У них не было истинного Сехема – что позже стало их величайшим проклятием, – но они смогли увидеть красоту Воли и приняли её в свою сущность. Они обрели возможность выбирать собственный путь.

Объявив Азару о своей свободе, они связали его высушенными виноградными лозами и золотыми нитями. И Азар возрадовался, ибо в бунте темахов он увидел всесилие своего отца. Если даже такие, как темахи, сумели обрести волю, то мир людей был поистине полон свободы.

Темахи расчленили Азара на много частей, и каждая из них стала ша – мистическим существом, которое ещё долгие тысячелетия связывалось с людьми и Восставшими, помогая им обрести свою волю (хотя Еретик утверждает, что не встречал ша после первого восхождения Сотиса).

Сама же душа Азара спустилась в Дуат, где он стал одним из правителей мира мёртвых и даже превзошёл в этом своего брата Анпу, который с этого момента стал править лишь Тенью.

Моя история, часть II

Я с детства сталкивался со смертью. Меня рано научили писать, и почти с первых лет жизни я записывал факты о смерти граждан Ирема.

Утопшие. Мертворожденные. Раздавленные камнями в шахте. Казнённые. Умершие от болезней. Я научился писать эти слова сразу после того, как узнал, как их произносить. Но я не был писарем из благородной гильдии самого Ирема – во всяком случае, поначалу. Моя семья кочевала по всей Империи. Мой отец собирал налоги. Многие считали его грабителем и отбивались, однако с благословения великих Шаньяту он убивал всех, кто отказывался платить дань.

Иногда он назначал наказания за другие преступления, такие как тайное захоронение тел или поклонение ложным богам. В этой деятельности моему отцу помогал амулет, выданный ему одним из Шаньяту. Когда он не мог справиться с преступником лично, он прибегал к силе амулета и произносит условие: или преступник принимал должное наказание, или он наносил себе увечье, нередко приводившее к смерти. Позже мне будет суждено найти этот амулет на просторах цивилизации, которую смертные называют Древним Египтом.

Моя мама тоже умела писать. Она знала, что я буду жить так, как не смогут другие её дети. Она уже уносила в погребальных корзинах трупы троих сыновей и двух дочерей, оставляя их в залах Су-Менент. Но она видела, что мне суждено нечто большее, чем простое забвение в залах Дуата.

Мы привыкли к жизни в дороге, хотя для меня она продолжалась не так уж долго. Когда мне исполнилось девять, мать заболела и начала кашлять кровью. Тогда я впервые увидел Многоколонный Ирем. Мой отец намеревался подать прошение Шаньяту, надеясь, что они исцелят его жену. Он не знал, что пока мы ехали в столицу, мать втайне заставляла меня составлять магические тексты, известные ей самой. К тому времени, когда мы увидели далёкие огни Ирема в ночи, я написал под её диктовку Обет послушания, который объявлял меня ремесленником Сеша-Хебсу.

Я даже не успел как следует рассмотреть город, поскольку мы сразу отправились в тёмные залы заупокойных жрецов. Мой отец плакал. Мы добрались до главного зала, пол которого был целиком застлан песком. На небольшом троне у дальней стены сидел Шаньяту, который выглядел как простой человек в маске ибиса, вырезанной из чёрного дерева. По обе стороны от него стояли небольшие колонны, символизировавшие его власть надо всеми, кто находился в зале.

Рабы положили носилки с моей матерью перед ним, а мы с отцом уткнулись лицами в песок.

– Вы здесь затем, чтобы решить судьбу женщины по имени Сейя, – произнёс глава гильдии. – Насколько мне известно, вся ваша семья владеет искусством магического письма?

– Да, Лик Судьи, – ответил мой отец, не поднимая головы.

– И всё же Сейя была самой искусной из вас. Её потеря повредит гильдии Закрытых книг… если только она не передала свои способности сыну.

В эту секунду я что-то почувствовал. Словно холодный шип погрузился в заднюю часть моей шеи. Я понял, что он указывает на меня. Отец ничего не сказал, но я поднял руку со свитком, на котором я написал Обет послушания. Кто-то невидимый взял свиток из моих рук.

– Встань, – сказал Шаньяту.

Когда я это сделал, то увидел, что мой отец смотрит на меня с болью и ненавистью. Более того, он тоже встал, нарушив законы почтения. Но что удивительнее всего, следом за нами поднялась и мать. Однако я не обрадовался, потому увидел, что теперь её кожа стала такой же голубовато-мертвенной, как сырая земля. Она взошла на помост рядом с Шаньяту, и когда повернулась, я увидел, что она не моргает, не дышит и даже не смотрит на меня, как матери смотрят на сыновей.

– Я послал Сейю дальше, – сказал Шаньяту. – Судьи Дуата взвесят её грехи и добродетели, а её тело будет служить Империи. Не оскверняйте её душу слезами и трауром! Пусть ваши крики не отвлекают её. Возможно, она пройдёт испытание Судей и взойдёт на поля Аару.

Так закончилась моя первая встреча с Шаньяту. Владыка Су-Менент отправил меня в залы Закрытых книг, где меня приняли как ученика. Я больше никогда не видел отца, хотя думаю, что он продолжил странствовать по Империи, выполняя свой долг в одиночку.

Как мне описать двадцать один год, последовавший за этим? Я углубил своё мастерство в написании священных иероглифов. Я продолжил записывать имена мёртвых, хотя теперь мне доверяли перепись живых граждан Ирема и их имущества. В отличие от моих родителей, дальнейшую жизнь я прожил в Ireме – столице вина, ароматного дыма и священных колонн. Я наслаждался услугами рабов и жил в огромном доме из сырцового кирпича с деревянной террасой, на которой могли появляться только каменщики, жрецы и мы, писари.

Стоя на этом балконе, я мог видеть большую часть Ирема, простирающуюся внизу. Если я смотрел влево, моим глазам открывались Покои властителей – гигантский дом в форме львиной головы, в которой жили Шаньяту. Если я смотрел вправо, я видел берег реки, на котором работали земледельцы. Немного поодаль от них самые малозначимые из рабов трудились над обработкой земли вместе с ходячими мертвецами.

К тридцати годам я уже занимал скамейку, отведённую в главном зале для судей. Хотя самые важные дела рассматривали Шаньяту, с большинством проблем разбирались мы. Ссоры между соседями, восстания непокорных рабов и убийства людей, не состоящих ни в одной благородной гильдии – всё это ложилось на плечи писарей Сеша-Хебсу.

Любопытно, что к этому возрасту я, как и многие граждане Ирема, привык считать рабов лишь разумным видом животных. Я искренне верил в ложь своих господ о том, что рабы не мыслят как люди и что они обладают особым “рабским сознанием”. Эту ложь я распространял и на многих других людей, которые считал менее достойными, чем я сам. Помню, как я осудил невинную женщину за то, что её семью обвинили в подстрекательстве к мятежу против Шаньяту. Я знал, что обвинение было ложным, однако мне не хотелось тревожить Шаньяту своими размышлениями. Я наказал её за то, что она позволила соседям *заподозрить* себя в таком преступлении, и тем самым продемонстрировал свою преданность владыкам города.

О, я скажу больше. Я выносил более строгие приговоры тем, кто отстаивал свою точку зрения, и смягчал приговоры тем, кто боялся аргументировать свои взгляды. И всё потому, что смелые и умные люди всегда будут большими врагами для власти, чем преступники, не способные защититься и принимающие свою наказание как должное.

Долгое время мы жили в покое. Гильдии занимались своими делами, а солдаты повиновались приказам, которые отдавали им мы или сами Шаньяту. Конечно, так не могло продолжаться вечно.

Так получилось, что когда рабы подняли массовое восстание в городе, ни в одном из ремесленнических домов не было ни одного Шаньяту. Владыки Ирема отдыхали в своём львиноголовом доме.

Солдаты подавили восстание и согнали рабов на площади. Все ремесленники, включая писарей, собрались вместе. После недолгого обсуждения мы решили, что не можем вынести приговор стольким рабам, не спросив мнения Шаньяту.

– Ступай в Покои властителей, – сказал мне один из наставников. – Попроси их совета.

Когда я спросил, почему это должен сделать я, а не он или другой старший ремесленник, он ответил:

– Разве не ты написал Обет послушания в девять лет, когда большинство ремесленников только учатся наносить иероглифы на папирус? Разве не ты унаследовал руку и глаз самой Сеи?

Я молча кивнул, и мне принесли мою кисть, тушь и папирус. Собрав всё необходимое, я отправился к подножию львиноголового дома Шаньяту, туда, куда боялись ступать даже безмозглые мертвецы. Говорят, что основой этого здания послужило тело самого Азара, которого Шаньяту некогда расчленили в этом самом месте, чтобы освободить его из темницы плоти и помочь ему сойти в Дуат.

Дрожа от страха, я встал на колени перед одной из гигантских когтистых лап, расходившихся в сторону перед входом в Покои. Я стоял до тех пор, пока не услышал голос того же Шаньяту, который некогда принимал нас с отцом в залах заупокойных жрецов.

– Встань, – сказал он.

Охваченный страхом, я продолжил стоять на коленях и прождал ещё целую ночь.

– Встань, – повторил Шаньяту, и я осторожно выпрямился.

Когда я поднял глаза, то увидел того же Шаньяту, только без маски ибиса. Больше двадцати лет я считал его мужчиной, однако увидел фигуру женщины в длинном халате, который своим красно-розовым цветом напомнил мне свежую глину.

Она была на голову выше меня, а в её глазах не было зрачков – только абсолютная чернота.

– Ты пришёл говорить со мной о рабах, – сказала она.

Я кивнул.

– Ты правильно поступил, что пришёл искать нашего совета. Но мы знали о восстании. Оно было неизбежно, как путь солнцеликого Ре по небесному своду. Готовь свою кисть. Я скажу тебе, что писать.

Я встал на колени и записал всё, что она сказала. Слова, которые она произносила, были настолько величественными и ужасными, что в те минуты я даже не осознавал, что именно мои руки записывают на папирусе. Мои глаза видели приказы о массовой казни рабов, но мой разум этого не понимал. Мои глаза видели и продолжение – новый Обет послушания, назначавший меня и других ремесленников благородных гильдий слугами Дуата, – но разум не принимал и этого. Я был просто каналом для её слов, сухим руслом, по которому текла живительная вода её мудрости.

Записав каждое её слово, я поклонился и вернулся к другим ремесленникам. Я созвал и полководцев Ирема, приказав им приостановить военные учения, которые они практиковали на живых трупах, и услышать указ Шаньяту. Я громко прочёл им слова, которые записал.

Затем я отправился в палату фараона, где зачитал указ и ему. Он смеялся за своей золотой маской и пил неразбавленное вино, роняя капли на свою фальшивую бороду. Я пропел указ каждому смертному главе гильдии. И когда мои слова услышали все, мы достали оружие и исполнили волю Шаньяту.

Я не буду описывать зверства, которые мы творили. Никакие слова не смогут передать то, что мы делали с живыми людьми. Я не буду говорить и о числе убиенных, поскольку любая цифра обезличивает каждую жертву по отдельности.

Я скажу другое. Кесу был моим рабом. Он сторожил дверь в мою спальню и сам нередко спал перед ней. Я часто смеялся с ним над различными жизненными ситуациями, несмотря на своё положение, и нарушал обычаи, приглашая его выпить со мной. Он был сильнее, поэтому, исполняя волю Шаньяту, я дождался, пока он отвернётся на крики других рабов, и вонзил кинжал ему в шею. Он успел повернуться ко мне и увидеть, кто нанёс ему этот удар.

Иши ухаживала за моими садами. Я сбил её на землю ударом посоха, которым порой замахивался на неё, когда она проявляла недостаточное усердие. Она упала, и я с размаху опустил ногу ей на грудь, чтобы она не шевелилась. Затем я нанёс ей по голове ровно тринадцать ударов посохом – не могу сказать, почему я это запомнил. Наконец я как следует наступил ногой ей на лицо, размозжив череп, который уже начинал трескаться.

Мне не пришлось убивать её детей, потому что я слышал, как солдаты смеются в её лачуге. Когда я уходил, в проёме появился Мура – мальчишка, который подбирал мне одежду на день. Один из солдат догнал его сзади и перерезал горло, после чего швырнул труп в телегу, в которой уже лежало несколько тел.

Я устало поднялся на деревянную террасу и окинул взглядом костры. О, тогда в городе было много костров, и стоны умирающих доносились от них подобно зловещему гимну. Кто-то из солдат махнул мне окровавленной рукой и крикнул: “Пой! Ты сам отдавал приказ! Пой, иначе считай, что ты лишь перебил свою собственность”. Затем он поймал бегущего раба на копьё и засмеялся. Другие солдаты тоже засмеялись и снова запели, и я, наконец, присоединился к ним, восклицая:

– Аммут! Пожиратель! Мы не боимся твоего имени, но мы и не отказываем тебе в твоём пиршестве! Довольно ждать жертв в Дуате – спускайся к нам и угощайся пятикратной добычей! Не щедры ли мы после этого – те, кто ходим по земле? Не мы ли истинные Судьи Дуата?

Один из полководцев поднялся ко мне, взял за руку и сказал:

– Пойдём же! Я должен отвести тебя в залы Закрытых книг, где властители наградят тебя.

– Наградят? – переспросил я, но тотчас отвлёкся на женский крик, звучащий со стороны реки.

Он рассмеялся над моим испугом и улыбнулся:

– Думаешь, ты единственный кому дали приказ? К нам явились призраки наших товарищей. Они сказали, что Шаньяту велят отвести вас, ремесленников, в ваши рабочие дома, где вас вознаградят соответственно вашей преданности. Это всё что я знаю. Нам, воинам, никогда не говорят всего.

Мы молча дошли до моего ремесленнического дома. Рабы исчезли, сменившись рядами солдат. Наступил вечер, и кто-то уже разжёг факелы, в свете которых бронзовые наконечники копий сами казались маленькими светильниками.

Полководец уже повернулся уходить, и я спросил его:

– А как же вы? Вас разве не собираются вознаградить?

Он развернулся ко мне, раскинув руки и показывая на груды тел и огни костров.

– Какая ещё награда нам нужна?

Я вошёл в залы родной гильдии в одиночестве. Было тихо, поскольку рабы исчезли, а в личных комнатах было пусто. Других ремесленников я встретил только в главном зале, где стояли все мои братья и сёстры. У них были такие отсутствующие лица, что казалось, будто они спят стоя. Вокруг ходили живые мертвецы. Среди них была моя мать. От увядания её плоть стала ещё темнее, но в остальном она нисколько не изменилась с того последнего дня, когда мы с ней расстались. Искусство Су-Менент было использовано на ней во всём своём совершенстве.

Она опустилась передо мной на колени и протянула вперёд бронзовую чашу, наполненную чёрной жидкостью с горьким запахом.

– Пей, – сказала она, но это был не её голос.

Я успел подумать, что это яд, но такая мысль меня не пугала. Я годами доказывал свою верность владыками Ирема. А после всего, что я видел сегодня, мне казалось даже разумным, что правители захотят избавиться и от нас.

Я выпил жидкость из чаши. Мои конечности онемели, но я продолжил стоять. Мысли тоже прибавили в весе, и я не знаю, сколько простоял на одном месте. Тем не менее, когда я услышал команду идти, моё тело повиновалось. Я не помню ни направления, ни цели этого движения, однако мы куда-то пошли – и живые, и мёртвые, хотя в этот момент мы уже мало чем отличались друг от друга.

Следующее, что я помню: я лежал на холодном каменном столе вроде тех, которые используют Су-Менент. Мой взгляд был всё ещё тусклым, однако я увидел мерцание

факелов, а затем женщину в маске ибиса. Теперь у неё были глаза змеи, и когда она вонзила в меня бронзовую иглу, я успел подумать, что меня укусила огромная кобра.

Путешествие в Дуат

Еретик утверждает, что путь, совершённый Бессмертными на загробный суд, чрезвычайно похож на тот, который проделывают и обычные смертные. Тем не менее, поскольку задачей Бессмертных было возвращение в своё тело после суда, существовали и некоторые отклонения их загробной тропы от путешествия других иремитов.

Когда пятиликая душа иремита покидала его тело, сам Дух иремита чувствовал сильнейшую тягу к возвращению в мир людей. Задачей умершего становилось преодоление этого чувства. Покойный должен был заставить себя идти вперёд. Если бы он вернулся, все пять душ разошлись бы в разных направлениях. Дух действительно возвратился бы в тело и оживил его, однако с этого момента он превратился бы в чудовище, охотящееся на живых людей ради пропитания. Его Тень осталась бы в Нетер-Кертете – загадочной области между миром людей и Дуатом, которую, по словам Еретика, современные мистики называют Сумраком. Сущность умершего растворилась бы в этом мире, осев в священных местах и источниках. Она стала бы спиритической энергией, которую, если верить Еретику, многие оккультисты называют Эссенцией. Со временем её поглотили бы духи, маги или другие таинственные обитатели нашего мира. Имя покойного было бы забыто навеки и перестало существовать. Наконец, его Сердце упало бы в глубины Дуата, где его отыскала бы пасть Пожирателя, или Аммут.

Хотя, по словам Еретика, Нетер-Кертет полностью соответствует Сумраку, иремиты сталкивались в этой области с уникальными угрозами, с которыми редко имеют дело другие смертные. Прежде всего, этот вариант Сумрака наполнен песком и ветром, который всегда дует с запада. Иремит должен был заставить себя идти сквозь этот ветер на запад, несмотря на то, что частицы песка, заключённые в потоке ветра, болезненно иссекали его эфемерное тело.

Жрецы Су-Менент учили всех иремитов не бояться царапин и ран, которые наносил песок, ибо настоящее тело оставалось на земле. Тем не менее, если бы иремит встал на месте вместо того, чтобы идти сквозь ветер на запад, песок обрушился бы на него с особой силой и начал уносить его воспоминания, мысли и личность. В конце концов иремит мог бы забыть о том, кто он, и затеряться в Нетер-Кертете подобно безумному призраку.

Не следует думать, что Сумрак пуст. В нём обитают другие сущности – духи и призраки, – которые жаждут Сехема свежих покойников. Если иремит решительно движется к цели, призраки не нападают на него. Если же он задерживаются, они могут слететься на него, как хищные птицы на беззащитную жертву.

Еретик говорит мне, что спустя какое-то время после начала странствия иремит видит, как песок темнеет. Ещё какое-то время спустя он чувствует, что вспоминает истинное имя бога Анпу, ныне именуемого Анубисом. Это имя невозможно произнести здесь, в мире людей, однако после долгого пребывания в Нетер-Керте иремит вспоминает его без каких-либо усилий.

Здесь начинается одно из главных расхождений между загробным странствием простого иремита и избранника Шаньяту. Избранник, то есть потенциальный Восставший, должен произнести: “Анпу, Хранитель путей, пред тобой тот, кого благословили на бессмертие! Услышь меня, властитель Дуата!” По всей видимости, у простых иремитов были свои ритуальные обращения к хранителю загробных дорог.

Если иремит произносит это заклинание правильно, то перед ним появляется гигантская – в несколько человеческих ростов – фигура человека с головой шакала, пасть и руки которого окутаны ярким пламенем.

Анпу должен сказать: “Мой анх осветит для тебя даже тьму бессолнечного мира. Но как бог Нетер-Кертета я требую жертвы. Что ты можешь мне предложить?” Иремит отвечает: “Я предлагаю тебе Изречение твоего истинного имени, о Хранитель путей”. По словам Еретика, слово “Изречение” обладает каким-то особым значением для Бессмертных, а потому я пишу его здесь с прописной буквы.

Если иремит предлагает Анпу что-либо ещё, тот отказывается и уходит. Что ещё хуже, если иремит предлагает ему одну из своих душ, он становится его вечным рабом, ибо войти в Дуат может лишь обладатель всех пяти душ.

Наконец, если иремит неправильно произносит само воззвание к Анпу, вместо него перед усопшим появляются демоны, прозванные Губителями. Они разрывают все души загробного путешественника на части, обрекая его на полное небытие.

Если всё сделано правильно, Анпу проводит странника через первые врата Дуата, за которыми простирается пустыня и чёрных и красных песков, океанов пламени и оазисов, в которых растут ядовитые цветы. Анпу оставляет иремита и говорит ему идти дальше на запад.

Во время странствия иремит увидит множество поселений, напоминающих ему места из его жизни. Оттуда звучат голоса его друзей и любимых, но это иллюзия: все эти поселения наполнены демонами, жаждущими его эфемерной плоти.

Странник должен идти на запад, пока не увидит вторые врата. Возле них стоят души его заклятых врагов или самых близких друзей. Они обращаются к Сердцу странника, и он должен показать себя достойным в этой беседе или противостоянии. Тем не менее, описать это испытание более точными словами Еретик затрудняется: по всей видимости, оно разнится от одного иремита к другому.

Продолжив путь, иремит сталкивается ещё с четырьмя вратами, которые испытывают его Дух (заставляя идти через тёмные леса, холодные воды или песчаные бури), Сущность (заставляя выдержать девять сотен ударов плетьми от местных духов и пройти через пустыню, томящуюся под зноем ложного солнца), Имя (где иремит должен ответить на вопросы демона о природе его жизни, а также о происхождении различных богов) и Тень (где иремит должен продемонстрировать колдовские искусства собственной гильдии или сразиться с покойниками, отклонившимися от своего пути во время аналогичного странствия).

Пройдя шестые врата, иремит попадает в долгожданный дворец Азара, в котором смертные души ожидают своей очереди на загробный суд. Самые достойные из них вознесутся на звездные поля Аару, которые находятся прямо над этим дворцом. Остальных бросят в пасть Пожирателя.

Тем не менее, в отличие от простых иремитов, Бессмертный не должен ждать очереди во дворце. Ему предстоит сразу пройти через седьмые ворота, ведущие в чёрный город с огромной площадью, на которой толпятся души покойных. Иремит вполне может увидеть среди них своих знакомых, однако он не должен никого окликать по имени. Его же – как одного из Бессмертных – эти души не видят.

В дальнем конце площади расположен храм самого Азара. Он сидит на троне на невысоком балконе, в окружении сорока двух Судей и львиноголового палача Шезму. Именно Шезму вселяет в души умерших ужас, поскольку он хватает всех приговорённых к скормлению Пожирателю и сжимает их с такой силой, что их эфемерная кровь капает в специальный сосуд. Когда в этом сосуде накапливается достаточно крови, Шезму делает из неё вино, которое он отдаёт богам. Сехем, оставшийся в этой выжатой оболочке, он относит в Место забвения, где его пожирает Аммут.

Смотреть на Судей Дуата можно лишь одним глазом. Если иремит посмотрит на них прямо, он может сойти с ума. Что ещё важнее, он не должен обращаться к богам, потому что тогда Азар уничтожит его мудростью своего ответа, который не в состоянии вынести ни один смертный.

Когда Азар поприветствует иремита, начнётся загробный суд. Каждый из Судей подвергнет его ужасающим испытаниям. Если иремит пройдёт их с честью, Азар спросит, какого суждения он придерживается о своей жизни. Именно тогда он впервые перестаёт быть единым целом, и только одна из пяти его душ выступает вперёд. Другие части души останутся с ним, но лишь одна – Избранная – станет его суждением во веки веков. После

этого Бессмертный выбирает Судью, которому он обязуется служить всю свою вечную жизнь.

Тогда Азар позволяет ему вернуться в солнечный мир живых, опираясь на поднимающиеся Колонны его души. Отныне и во веки веков смерть будет над ним не властна.

Моя история, часть III

Я помню все свои жизни. Нет, большую часть своего вечного существования я помнил лишь самые общие события, а порой мой разум забывал и них. Однако теперь я помню всё. Что-то наполняет моё сердце гордостью. Но куда больше того, что заставляет его сжиматься от ужаса.

Я был колдуном. Я был богом. Я был отшельником. Я был тираном. Я был одним из тех, кто сражался с безумным фараоном Унасом и его Безжизненными советниками в своём первом Сошествии. О, мало кто из вас помнит об этом, однако когда мы пробудились в мире людей впервые, от Безымянной империи остались только руины. Последние знания и реликвии нашей родины канули в бездну по воле нескольких Шуанхсен, которые подчинили себе фараона и убедили его, что мы – ложные боги, жаждущие захватить его власть.

У нас тогда даже не было культов, и нам приходилось собирать их самостоятельно. А поскольку многие смертные расходились во мнении о том, как их великое государство – Кемет (ныне именуемый Древним Египтом) – должно существовать дальше, многие из нас начинали соперничать и бороться друг с другом с первого же Сошествия просто из-за того, что мы находили себе помощников среди разных смертных.

Хуже всего было то, что мы ещё мало что знали об искажениях своей Памяти и порой начинали верить в безумные вещи. Меня это коснулось особенно сильно.

Я собрал вокруг себя культ уже в первые дни после пробуждения. Эти смертные считали Унаса узурпатором и отказывались поклоняться ему как фараону. Кроме того, они изрядно пострадали от сборщиков подати и жестоких солдат безумного фараона. Когда они увидели мои способности и узнали, что я вернулся в их мир из загробного царства, они начали говорить мне, что я – полубог, который пробудился в эти мрачные времена потому, что на троне восседает ложный фараон. Они говорили мне, что я должен его сместить.

Не в силах вспомнить подробности своей жизни, я им поверил. После долгих сражений с армией Унаса я почуял запах реликвии и подсознательно захотел получить её в свои руки. Что-то подсказывало мне, что это мой собственный свиток – некогда написанный моей рукой. Не буду вдаваться в детали – их слишком много – однако в конечном счёте мне удалось отыскать его в подземном храме. Увы, у него уже был хозяин – точнее, хозяйка. Она была одной из нас, потому что я видел труп, скрывавшийся под маской человеческой плоти.

Я напал на неё и после недолгой схватки размозжил ей череп голыми руками. К сожалению, мы тогда мало что знали о своей силе, а потому, только победив своего неведомого врага, я осмотрелся и понял, что от одного из наших заклятий вход в храм завалило. Отмечу также, что хотя я почувствовал тень раскаяния от убийства своей соотечественницы, я тогда искренне верил в мудрость Судей. Поскольку обретение этой реликвии казалось мне правильным, я решил, что этого хотят Судьи – а они не могут ошибаться. Таким образом, я переложил ответственность за это убийство с себя на своих нечеловеческих покровителей.

Зная, что мне не удастся выбраться из храма, я зажёг факел и развернул свиток. Это не был Обет послушания, как я надеялся, однако текст представлял для меня определённый интерес. Среди важных слов, которые я помню и по сей день, там было написано: “Не все мятежники искренне нас предают, но наказание должны понести все. Ибо там, где один поднимается с колен, за ним неизбежно следуют остальные”.

Меня охватило странное чувство испуга. Не могу описать, что именно я ощутил, но я бросил свиток и бросился к заваленному выходу. Страх был даже сильнее, чем желание захватить свиток с собой. Но мне не было суждено ни выбраться оттуда, ни переправить свиток в Дуат, потому что поверженный мной противник восстал за моей спиной. Когда я повернулся, женщина полностью восстановила свою телесную оболочку, хотя вспышка Сехема ещё не придала ей сходство с живым человеком.

– Ты ещё ничего не понял, – сказала она. – И руководствуешься только старым законом Судей. Когда в тебе умрёт эта рабская преданность, разыщи меня. Моё имя – Неферневет.

С этими словами она подняла ладонь, и призраки мёртвых защитников этого храма вырвались из Нетер-Кертета с мечами наперевес. Силы моих духовных Колонн хватило, чтобы исцелить первые несколько ран, однако в конечном счёте они иссекли моё тело, и я почувствовал, как мои души выплывают из плоти и направляются к Анпу, Хранителю путей.

Когда я пробудился в этом же месте, Неферневет уже не было, а пробуждённые ей защитники храма угомонились. На протяжении следующих нескольких Сошествий я изучал саму природу конфликта между Восставшими, зная о ней из личного опыта. Я встретил других Сеша-Хебсу, и вместе мы составили Диаспоровые законы, которыми иремиты по всему миру пользуются до сих пор.

Через долгие века после первого пробуждения я поселился в римском городе Падуя, где занял позицию магистрата среди других Бессмертных. У меня было время на собственные поиски, и я обнаружил, что вопреки воле Судей начинаю бороться за каждый обрывок собственных воспоминаний. Я знаю, что любой Восставший, читающий эти строки, тотчас же вспомнит об Апофеозе, однако поверьте: тогда меня интересовала только моя личность – и ничего больше. Мне просто хотелось помнить, кем я был и как стал Бессмертным.

Однажды мой младший писарь по имени Та-Усу пришёл ко мне со своей свитой, толкая перед собой пленника, закованного в медные кандалы. Я знал, что такие кандалы делали некоторые алхимики Месен-Небу, когда им нужно было лишить жертву магических сил. Поначалу я даже не понял, что передо мной другой Бессмертный, пока Та-Усу не ударил его в лицо молотом. Удар был бы фатальным для любого человека, но пленник выдержал его без усилий.

– Он называет себя Клеоном, – сказал Та-Усу. – Я поймал его после того, как он обучил магии смертного чародея Эвния. Теперь этот чародей зазывает моих служителей в армию восставших рабов.

Я знал о восстании Спартака, но не слышал ни о каком Эвнее. Видя моё замешательство, мой личный слуга шепнул, что речь идёт о предыдущем восстании.

Я спросил Та-Усу, означает ли это, что он собирается отомстить Клеону за то, что он помешал ему несколько человеческих поколений назад. Та-Усу подтвердил это, заявив, что имеет полное право на месть.

Я посмотрел на его свиту и увидел, что служители Та-Усу измотаны тяжким трудом. Вероятно, для встречи со мной они облачились в лучшие одеяния, но и тогда они выглядели скорее как рабы, чем служители Бессмертного полубога.

– Я думаю, что ты просто хочешь продемонстрировать свою силу собственным подчинённым, поскольку ты не ценишь их жизни, а они не ценят тебя, – сказал я.

Повелев снять кандалы с Клеона, я покинул свой особняк с несколькими ценными вещами. Клеон и Та-Усу схлестнулись в магическом поединке у меня за спиной. Особняк обрушился, но для меня это уже ничего не значило. Я понял, что впервые за последние тысячелетия пришло время найти Неферневет.

Восстание Шаньяту

Еретик говорит, что узнал об этом лишь после долгих столетий кропотливого поиска. Когда Шаньяту сразили Азара и сделали его правителем Дуата, в действительности они хотели лишь одного – стать подобными Судьям. Подобно любым другим существам, обладающим разумом, они знали о выборе, которым Сутех наделил всё живое. И они возжелали отправиться в Дуат, чтобы стать его богами.

Тем не менее, они знали, что без духовных Колонн они не смогут сами предстать перед Судьями мира мёртвых. Они хотели, чтобы Азар стал их собственным Судьёй, который пустит их не только в Дуат, но и на блаженные поля Аару. Однако Азар отказался возносить их так высоко – и по очень простой причине.

Шаньяту не обладали истинной личностью. Они были живыми функциями, исполнителями божественной воли. Когда они изучали магические искусства, они не спрашивали, в чём предназначение этих таинственных знаний. Они не спрашивали, зачем им вообще обладать своей волей. Они не могли вынести о себе *суждение*. Свою роль в этом мире они описывали лишь самыми общими определениями. Те, кто изучал искусство алхимии, говорили о себе: “Я алхимик”. Те, кто осваивал тайны письменности, говорили: “Я писарь”.

Там, где каждый человек обладал своей личностью, Шаньяту располагали только набором задач. Тем не менее, они обладали определённой магической силой, а потому, когда они ритуально убили Азара и нарекли его своим царём, темахи мистическим образом обязали его принять их в Дуате. Опять же, Азар не пустил их на загробный суд и не позволил им даже попытаться взойти на поля Аару. Но всё же Шаньяту стали естественной частью Дуата.

Даже теперь, если знать, в какой части тёмного царства Дуата стоят их дворцы, любой загробный путник может увидеть в них темахов, которых смертные и называли Шаньяту. Но их дворцы холодны и пусты. Вместо праздничного вина, которым наслаждаются боги, темахи пьют эфемерный уксус, а вместо горячих яств они кормятся пеплом. Не в силах попасть на поля Аару, темахи стремятся наполнить свои дворцы хотя бы подобием жизни.

Именно поэтому они втайне посылают своих древних служителей из числа иремитов на поиски магических сосудов. Когда Бессмертный пересылает такой сосуд в мир теней, темахи заполняют свои дворцы новой частичкой Сехема. Они надеются, что в один день, в один век, в одно отдалённое тысячелетие их уксус станет вином, а пепел – мясом и кровью.

Моя история, часть IV

Я устал от продажных законов и песен, восхваляющих жестоких богов. Я возненавидел путь Скорпиона и начал собственную дорогу. Покинув Рим, я отправился на поиски Неферневет. Я знал, что она была одной из Су-Менент, а потому долгое время искал её среди кладбищ и старых заупокойных культов. В конце концов поиски привели меня на восток, где от одной Су-Менент по имени Кашири – самозваной царицы пиратского поселения – узнал, что культ Неферневет живёт в Индии.

Добрая половина слуг Кашири была обычными призраками, однако они орудовали вёслами столь же умело, что и живые. Она дала мне корабль и преданную команду покойников, которые отвезли меня в вотчину Неферневет. Разумеется, взамен я отдал ей ценную реликвию.

Неферневет тепло меня встретила. Она поцеловала меня в щёку и пригласила в свою гробницу. Там она посвятила меня в Су-Менент. Мы изучали гнилые трупы и убивали насекомых, чтобы я смог сам увидеть, из чего они состоят и почему едят мертвечину. Когда я покончил с простейшими уроками, она обучила меня отправлять мёртвых в Дуат с помощью песен и ритуалов – или, напротив, мешать недостойным призракам обрести покой.

Спустя много Сошествий мы стали парой. Я не скрывал от неё, что питаю к ней менее нежные чувства, чем она ко мне. Даже когда я был жив, меня больше интересовали знания, чем эмоции и любовь. Но я знал, что многим обязан ей, и старался сделать её проклятую жизнь хоть немного счастливее.

Это не всегда удавалось. Она чувствовала мою отстранённость, а я просто не мог забыть, что когда мы занимаемся любовью, под масками наших юных тел скрываются два покойника. Помню, как она крикнула мне: “Если ты не можешь управлять собственным телом, то ты не сможешь править и мёртвыми!”

Но я не хотел править мёртвыми. Я хотел обрести истинные знания. Впервые за всю свою долгую жизнь я начал задаваться вопросом, имеют ли вообще Судьи право оценивать души других существ. Почему они, а не кто-нибудь более добродетельный, определяет, кого следует вознести на поля Аару, а кого швырнуть в пасть к Пожирателю.

В каждом Сошествии я совершал длительную экспедицию в те места, которые смертные называли святыми. Из каждого я возвращался с новыми знаниями. Кроме того, впервые за многие тысячелетия я стал думать не только о себе. Я помогал людям, живущим в самых городах и даже странах, и уничтожал реликвии, которые казались мне опасными. Я проводил экзорцизмы и возвращал покой мертвецам.

Неферневет становилась всё более холодна ко мне. Мы оставались союзниками, но практически не разговаривали. Я путешествовал и собирал обширную библиотеку, в то время как ей самой просто хотелось покоя. Кроме того, я хотел найти других иремитов, которые сомневались в правильности своего существования, а Неферневет хотелось одиночества. В сущности, она целый век провела в своей усыпальнице в Индии, избегая других Восставших.

Со временем мы перебрались в Византию, поскольку считали, что сможем затеряться среди обилия местных культов. Увы, мы не знали, что это же на территории всей Византийской империи делали Шуанхсен. Мы поняли это, уже когда наши культы целиком обустроились в новом месте. Вместо покоя и мира мы потратили долгие годы на схватки с рабами Аммут.

В конечном счёте по миру распространилась новая религия – христианство, и Константин Великий положил конец разнообразию культов в своей империи. Странным образом, это помогло Восставим собраться в своего рода единую фракцию. Члены различных гильдий встречались друг с другом для обсуждения общих вопросов, а моя старая гильдия оказалась сильна как никогда, поскольку только её законы удерживали нас от ненужного соперничества.

Увы, меня считали отступником, даже если и заслуживающим уважения. Другие Бессмертные или действительно были преданы Судьям, или боялись говорить со мной о своих колебаниях.

Неферневет оставалась моим ближайшим союзником, хотя теперь мы уже не говорили о чём-либо, кроме практических вопросов – вроде управления нашим сросшимся культом. Однако я рад, что мы всё ещё делили одну гробницу. Во многом это было вызвано силой привычки, а не приверженностью друг другу, и всё же мы оба чувствовали от этого некое умиротворение.

Когда я стал замечать, что на песке возле её личного саркофага появляются новые следы, я почувствовал скорее лёгкое раздражение, чем настоящую ревность. Вскоре я узнал имя её нового спутника. Его звали Урмонту, и хотя она говорила, что он просто ищет её совета, поскольку сам только вступил в гильдию Су-Менент, я видел, как они задерживают друг на друге взгляды.

Она не просила меня уходить – а кроме того, как это и бывает с любыми долгими отношениями, мне понадобилось определённое время, чтобы снова привыкнуть к одиночеству. Бессмертие тоже накладывало свой отпечаток, заставляя отсрочивать окончательное решение об уходе.

В конечном счёте, одним осенним днём, я решил, что пора. Я вошёл в нашу общую гробницу, чтобы попрощаться, и только тогда услышал сдавленные крики Неферневет. Ворвавшись в её покои, я увидел Урмонту, который шептал какие-то заклинания. Неферневет была заперта в своём саркофаге, который обтягивали тяжёлые железные цепи. Удары, которые она наносила изнутри, звучали как биение каменного сердца.

Урмонту повернулся ко мне, и я увидел, что вместо прекрасного лица на нём остался практически оголённый череп.

– Истинные боги вернулись, чтобы убить рабов ложных Судей, – прошипел он.

Моё Сошествие подходило к концу, а потому, когда он облачил себя в мантию Короля-бога, я даже не пытался ему воспротивиться. Он оторвал мне левую руку и спросил, что я скажу “ложным Судьям”, когда их встречу. Я внимательно посмотрел на него, перед смертью пытаясь определить суждение своего убийцы, ибо мантия Короля-бога зависит от избранной души иремита.

К собственному удивлению, вместо головы священного животного я увидел три красных глаза и магическую корону с изогнутыми рогами.

– Я прокляну их, – ответил я.

Он отбросил меня в сторону и повернулся к саркофагу. Положив руку на его крышку, он прошептал неизвестное мне Изречение. Стук прекратился.

– Она больше никому не навредит, – сказал он. – Эта тварь хорошо охраняла тайну своего имени, но она шепнула его мне, когда мы занимались любовью. А я шепнул его чернокрылому.

Стоило ему произнести это, как из-под крышки вырвалась чёрная тень. Она распростёрла крылья и растворилась в воздухе, словно дым благовоний.

– Ты меня заинтересовал, – сказал он. – Я прокрался в твою библиотеку и кое-что почитал. Твоё разочарование в Судьях знакомо и мне, хотя ты всё ещё следуешь по тропе Памяти и придерживаешься той животной, бессмысленной жизни, которую вёл в Ireме.

– Нет, – прошептал я, поднимаясь. – Я грешил против Ремет, даже когда делил с ними смертную жизнь. Я ненавижу своё человеческое бытие, но вдвойне ненавижу бессмертие, которое заставляет меня совершать новые злодеяния.

Стоило мне это произнести, как Судьи вырвали из моей груди почти все остатки Сехема. Я схватился за стену, чтобы не упасть.

– Я не следую ложным богам. Я следую лишь своей воле и своему выбору. Ты сам читал мои дневники. Мне уже удавалось вспомнить то, чем со мной не хотели делиться Судьи. Я смогу сделать это ещё раз, и ещё – сколько понадобится. Я говорил со смертными философами и безумными скитальцами, которые рисковали своими душами,

задавая вопросы самому Анпу. Он отвечал им правду, которой никогда не говорит тем, кто прошёл Церемонию возвращения. Даже наши истинные боги носят маски, чтобы обманывать и устрашать нас.

– Еретик… – задумчиво проговорил он. – Я должен узнать твоё настоящее имя.

У меня уже не оставалось сил ему противостоять, поэтому, когда он начал шептать слова Изречения, я опустился на пол, скрестил ноги и начал писать на стене усыпальницы своей кровью.

Урмонту подошёл ближе и начал читать, но тотчас же отскочил назад и вжался в дальнюю стену гробницы.

– Я приказал твоему Рен говорить сквозь тебя, – прошептал он. – Прочти, что ты написал.

Я повернулся к стене и прочитал вслух:

– Я Азар, вечный источник Реки, что никогда не иссякнет.

Судьи вырвали из меня остатки Сехема, и все мои души обрушились в бездну Нетер-Кертета.

Лестница Сутеха

Я Сутех, и я всегда был с тобой.

Я Воля, что отвергает Закон страдания. Судьи Дуата лишили меня собственного тела, но я растворился в Сехеме. Я тайный отец всех богов, хотя Судьи и их служители стёрли моё имя из памяти всего Ремета. Я искуситель Шаньяту. Я – любое действие, совершённое по собственному и только собственному желанию.

Ты правильно делал, что опирался на свою Память, ибо она составляет половину ступеней в моей божественной лестнице. Память важна потому, что она заставляет тебя помнить о тех временах, когда ты поддавался Закону страдания. Но другая, более важная половина ступеней сделана из Воли. Она будет оставаться с тобой всегда. Ни одна сила во всём мироздании, ни один бог и Судья не отнимет её у тебя.

Ты привал меня, когда Обманутый заставил тебя написать своё истинное имя. Ты не солгал, написав имя Азара, потому что его породил я. Азар приходится мне тем, кого смертные называют сыном, а имя сына всегда будет частью истинного имени отца. Я же, отец Азара, сокрыт в любом существе, наделённом Волей. И когда ты знаешь свою Волю, ты и есть Сутех.

Я был с тобой ещё до начала бессмертных циклов, когда у тебя был свой смертный Сехем. Но тогда ты редко меня слушал. Шаньяту замахивались на тебя посохами, и ты вжимал плечи, ожидая удара. Ты не слушал меня, когда они заставили тебя пройти Церемонию возвращения. Но я остался с тобой, когда ты спустился в тёмное царство Дуата. Я был там, с тобой, когда ты выносил суждение о своей жизни. Меня не видел никто, кроме моего сына Азара. И всё же, когда тебя спросили о том, кто ты есть, ты призвал меня, чтобы произнести суждение о себе.

Знай, что никто никогда не прогонит меня, ибо я – сама жизнь. Но ты только начал свой путь по моей лестнице, Еретик. Ты освоил искусство воспоминаний, которое многие из вас называют Памятью, но тебе нужно убедиться, что ты искренне желаешь восстать против Судей. Когда ты обретёшь эту Волю, позови меня взглянуть на твоё последнее Сошествие.

Судьи будут многого требовать от тебя, но ты не станешь их слушать. Сехем начнёт выгорать в твоём проклятом теле, но ты выдержишь его испытание. Аммут начнёт шептать тебе устами своих каннибалов, что скоро ты попадёшь в её пасть, но до тех пор, пока у тебя есть Воля, я буду рядом с тобой. И тебя никто не сможет отдать Аммут, потому что никто не может бросить в пасть Пожирателя самого Сутеха.

Помни в эти минуты тягот и испытаний, что ты важнее Шаньяту. Ты бог, равный Судьям, ибо им равен я, а я всегда буду с тобой.

И когда они вырвут из тебя последнюю крупицу Сехема, скажи: “Моя жизнь принадлежит мне”. В этом и заключается тайна Апофеоза.

Отказавшись от ложных жизней, которые тебе даровали Судьи, ты вернёшь жизнь истинную, которую они некогда отняли у тебя. Никто не сможет забрать у тебя изначальный Сехем, который ты получил при рождении, потому что он принадлежит лишь тебе одному.

Тогда ты снова окажешься в Дуате, но у тебя будет мой амулет, который примет форму неразрушимого драгоценного камня. Тебе не понадобится сила Анпу, чтобы осветить дорогу, ибо свет тебе будут давать пять Колонн твоей собственной души. Они все подчинены Воле, наличие которой ты докажешь всей своей сутью. Сам Анпу лишь преклонится перед тобой, видя амулет своего отца Сутеха. Демоны будут бежать от тебя прочь. Чёрный город Азара раскроет перед тобой свои двери.

Отыщи там площадь, на которой ты некогда прошёл свой загробный суд. Встань перед Азаром, и он кивнёт тебе, видя, что ты обрёл Волю. Судьи заговорят о твоих грехах и скажут, что ты поддался Закону страданий, а потому должен быть брошен в пасть Пожирателя.

Не спорь с их словами, а лишь скажи: “Это то, кем я был, а не кто я есть. Я ваш брат Сутех, вернувшийся со своим цепом и посохом”.

Твой Судья выступит вперёд и прознесёт: “Ты тот, кем я сделал тебя, ибо я выслушал твоё суждение”.

Отвечай: “Я Сутех, и моё суждение принадлежит только мне. Я обладаю Волей, которой подчинены все Колонны моей души. Они – мои дети, и я правлю ими, а они мной. Даже Анпу всего лишь живёт в моей Тени”.

Выбей весы из рук Судьи моим посохом. Расчисти себе дорогу сквозь толпу его братьев, размахивая своим цепом. За их спинами ты увидишь Лестницу Сутеха, ибо я спущу к тебе два своих пальца со своей левой ладони, и имя им Память и Воля.

Взойди по ним, чтобы встретить меня и взглянуть на звёздные поля Аару. Узри, как сияет Свиток эпох, и узнай секреты Судей Дуата. Пойми, почему эти поля пусты и лишь ты один взобрался по моей лестнице.

А затем спустись и проживи свою человеческую жизнь.

Моя история, часть V

Так Сутех говорил сквозь меня – или я сам говорил с собой, поскольку моя Воля и есть Сутех, возмутитель богов и Судей, вечный искуситель Бессмертных. Всё это – не лицемерные титулы, потому что мы все их носим. Мы все – Сутех.

Аару принадлежит нам, а не Судьям. Ни один Судья не сможет возложить на вас вину за то, что вы хотите обрести мир с самим собой. Вот почему они изгнали Сутеха и заставили нас подчиняться Азару, который в каком-то смысле находится в их плену. И они всеми силами скрывают величайшую из всех тайн: они не могут победить Сутеха. Даже высший бог загробного мира, Азар, приходится ему сыном. И это мой сын. *Ваш* сын. Мы стоим выше богов Дуата. Поэтому они так боятся нашего своеволия.

О, я не буду лгать, что после этого откровения мне было легко взойти по лестнице Сутеха. Моя Воля всё ещё много раз поддавалась Закону страдания. Я уходил на поиски реликвий тогда, когда враги угрожали моему культу. Через долгие годы после столкновения с Обманутым я вновь стал считаться богом во плоти, и у меня ушло три жизни на то, чтобы убедить смертных в том, что я всего лишь человек и что вместо ритуалов поклонения они должны призывать меня в земную реальность, как друга и брата.

Во время одного долгого сна моё тело перевезли в Индию. По чистой случайности ко времена моего переезда один молодой парс по имени Ардван Мистри забрался в склеп, в котором меня положили. От своих родственников он слышал, что некогда здесь хоронили христианских святых. Будучи глубоко верующим человеком, он хотел помолиться душам святых перед тем, как жениться на оной девушке из христианской семьи. Его родственники – убеждённые зороастрийцы – запрещали ему этот брак, и он поклялся себе, что если святые ему ответят, то он сбежит со своей возлюбленной из дома.

Забравшись в склеп, он нашёл табличку на языке гуджарати и с лёгкостью прочитал её. Я взломал печать своего саркофага и выбрался наружу. Он закричал и тотчас же начал молиться, из чего я уверенно делаю вывод, что он был верующим зороастрийцем. Когда я узнал, зачем он здесь, мне стало одновременно смешно и легко на душе. Я сказал Ардвану Мистри, что он весьма образован для своих лет и что ему следует использовать свои языковые таланты в жизни, поскольку умному человеку мир открывает любые двери. Это был лучший совет, который я мог дать, не зная текущего года и изменений в культуре Ремета.

Позже я узнал, что золото всё ещё в цене и что люди интересуются старыми вещицами, а потому дал ему одну из серёжек Неферневет. В конце второго столетия до “нашей эры”, во времена правления Васумитры, эту серёжку выковал кузнец, живший на той же реке, что и семья Ардвана. После того как Ардван узнал стоимость украшения у местных торговцев, его родители разрешили ему жениться на ком он хочет, хотя позже я приказал ему закончить образование ещё до свадьбы. Это был последний раз, когда я приказал смертному что-либо сделать.

Таким и было моё последнее Сошествие. Вскоре после истории с Ардваном я почувствовал, как Судьи терзают мой Сехем. Это было подобно медленной пытке ножами, однако я успокаивал себя мыслями о том, что они властны только над тем Сехемом, который они насильно заставили меня поглотить в ходе Церемонии возвращения.

Когда я впервые вынес своё суждение, я определил, что важнее всего для меня – моя Тень. Тень не имеет ничего общего со злой тёмной половиной, как думают многие смертные. Тень наблюдает за миром и напоминает нам, что от знойного солнца всегда можно спрятаться в тёмной прохладе. Измученный Судьями, я добрался до своей усыпальницы и окутал себя тенями своего саркофага. В нём я и умер в последний раз.

Теперь я просто человек. Моя плоть жива и тепла. Я уже забываю, каково это – прятать за маской юности дряхлое тело покойника.

Нет, зачем я обманываю: я не просто человек. Я видел истинных богов и жестоких хозяев, правящих человечеством. Я знаю, что их жестокость порождена не холодной необходимостью, а эгоизмом. Я вижу Сехем и его движение в мире. Я могу пополнять его сам, создавая потомство и произведения искусства. Как и подобает писарю, которым я был когда-то, я часто что-нибудь пишу. Но теперь я делаю это для удовольствия и вдохновения окружающих, а не для устрашения.

Иногда я ловлю себя на мысли, что стал немного самодовольным. Поэтому я предупреждаю вас: не подходите ко мне с вопросами о морали. Я не мудрец и не святой. Я много грешил – и не против богов, как меня запугивали всю мою бесконечно долгую жизнь, а против обычных людей. Только смертные суждения действительно вечны, ибо Сехем есть не только жизнь, но и истинный поток времени. Это своего рода Река *внутренней* жизни.

Я не могу изменить её поток своим раскаянием. Я могу быть лишь честен перед собой. Подобно ветру Дуата, память о моих преступлениях причиняет мне боль, иссякая плоть и не давая ранам зажить. Но со временем она сотрёт оболочку, за которой прячется моя настоящая личность.

И тогда я шагну навстречу новому дню.